

*Лыкошина Л. С.
г. Москва, Россия*

ПРАВОСЛАВИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬШЕ

Образ Польши в религиозном контексте ассоциируется, прежде всего, с католицизмом. В общественном сознании широко распространен стереотип «поляк-католик». Действительно Польша – страна практически однородная как в национальном, так и в религиозном отношении. Но это еще и страна, на востоке которой, на территории нынешнего Подляшского воеводства издавна жили восточные славяне, уже в IX в. исповедовавшие христианство «восточного обряда», придерживающиеся такового более чем за столетие до принятия Мешко I в 966 г. христианства по западному образцу. Польша избрала свой путь веры, и это не был путь восточного христианства.

В истории страны немало эпизодов, свидетельствующих о сложности и неоднозначности этого пути. Ведь население Речи Посполитой всегда включало в себя не только католиков, но и православных, принадлежащих к разным социальным слоям польского общества. Отношения между конфессиями складывались весьма драматично и судьба оказалась неблагоприятной к польскому православию. Для подтверждения этого постулата, не уходя в глубь веков, не поднимая вопроса о преследовании православных в I Речи Посполитой, достаточно вспомнить не столь давнее межвоенное двадцатилетие, разрушение сотен православных храмов, среди которых величественный собор Александра Невского в Варшаве с росписями Васнецова, закрытие монастырей, активные попытки полонизации православного населения [1].

Однако и в настоящее время, несмотря на все перипетии, в Польше теплится огонь православной веры и ветры истории его не погасили.

В нынешней Польше православных в не так уж много: по разным данным от 400 до 700 тысяч. В автокефальной польской церкви насчитывается 6 епархий, 250 приходов, 11 монастырей, 11 епископов. Есть духовная семинария и академия [2].

Права православной церкви защищены законом и с формально-правовой точки зрения православные такие же граждане Польши, как и католики. Это зафиксировано и в специальном законе о взаимоотношениях церкви и государства, принятом в 1991 г., и в конституции 1997 г., и в законе о национальных меньшинствах 2005 г. Православные священники имеют возможность осуществлять свою миссию в армии, больницах, тюрьмах, пожарной охране. В епархиях действуют центры социальной защиты, дома милосердия. В школах налажено изучение основ православной религии, ведущееся преподавателями, получающими зарплату от государства. В тех районах Польши, где православных детей не так много, уроки религии проводятся в случае наличия группы не менее семи человек.

В стране действуют православные братства, история которых уходит в глубокое прошлое. Братства сохранялись и в межвоенной Польше, и в социалистической. В их задачу входит благотворительная деятельность, просвещение, издание религиозной литературы. Центром деятельности православных братств является г. Белосток. Одним из инициаторов возрождения братств в Белостоке, был в свое время нынешний глава польской православной церкви митрополит Савва.

Неплохо складываются отношения православных с нынешними польскими властями. В 2011 г. святую гору Грабарку, место поклонения православных, где есть святой источник и хранятся чудотворные иконы посетил президент Б.Коморовский, в своем выступлении отметивший роль православия в польской истории и вспомнивший одну из самых часто повторяемых сентенций Иоанна Павла II, о том, что

Европа должна дышать двумя легкими: католическим и православным [3]. Дышать с одинаковой глубиной в Польше не всегда получается: свидетельством тому не столь давний эпизод: по традиции паломники, идущие на святую гору Грабарку, приносят на своих плечах кресты, обходят с ними храм, а затем устанавливают около монастыря. Преображенский монастырь окружен настоящим лесом крестов. Это святое для православных место в 1990 г. пережило разрушительный пожар, устроенный одним местным жителем. Сгорела и старинная церковь и многие святыни. Но к настоящему моменту все восстановлено. Местные жители нередко сами участвуют в крестных ходах. Хотя случаи агрессии по отношению к православным святыням бывали в Польше и после пожара на Грабарке [4].

Гора Грабарка расположена на территории Подляшского воеводства, где проживает в основном белорусское население. Однако вопрос о национальной принадлежности православных этого региона отнюдь непрост. Е. Чиквин единственный православный депутат польского сейма последнего созыва (прошедший по списку социал-демократов) на вопрос о национальности отвечает следующим образом: «Я себя отношу к восточным славянам. По документам я белорус, потому что эта культура и эта традиция мне самая близкая. Но для меня также близка и русская культура, и украинская. В моей деревне на свадьбах, на гулянках, на крестинах всегда пели песни белорусские, русские и украинские. И все они принимались за «наши». Главным было определение, что «мы – не поляки» [5].

На территории, где компактно проживают православные, – район Белостока, Гайновки, вблизи Беловежской пуши, – государственные границы за последнее столетие передвигались несколько раз. С 1939 по 1941 годы Белосток даже входил в состав СССР. Жить в таких условиях было непросто. Отец Чиквина родился в Российской империи в 1914 году. И за его жизнь границы менялись девять раз! Но, несмотря на все сложности, люди всегда были очень привязаны к своей вере и своему этническому самоопределению, к «русскости». «Мы – замечает Чиквин, – своего рода феномен, за столько веков нажима западной цивилизации, римско-католической церкви, мы сберегли свою тождественность как в религиозном смысле, так и в национальном» [6].

Однако далеко не всегда религиозная принадлежность predeterminedлена национальностью: белорусами декларируют себя около 30 % жителей подляшского воеводства, исповедующих православие. Вместе с тем, около 60 % православных жителей этого воеводства считают себя поляками [7]. Вокруг православной церкви, церковных братств и издания «Православное обозрение» группируются те жители воеводства, которые основой самоидентификации считают религиозный фактор, привлекая к своей деятельности не только белорусов, но и украинцев, лемков, православных поляков. Представители данной общности сотрудничают с минской интеллигенцией, считают неправомерной критику белорусских властей.

Вместе с тем, в том же Белостоцком воеводстве вокруг Белорусского общественно-культурного товарищества, Белорусского союза, а также журналов «Нива» и «Часопис» сформировалась общность, акцентирующая прежде всего национальную, белорусскую принадлежность. Данная группировка всемерно поддерживает суверенитет Белоруссии, независимость ее от России, весьма критически оценивая при этом деятельность президента Лукашенко [8].

Несмотря на отсутствие явной, открытой дискриминации быть в Польше не поляком и не католиком не так то просто. Исследования показывают, что уже с детства многие белорусы ощущают свою уязвимость. Белорусские дети стараются в школе говорить по-польски, учителя очень часто порицают детей за то, что они разговаривают «по-простому», т.е. по-

белорусски. Белорусские фамилии нарочито произносят по слогам, занижают оценки. Дети испытывают трудности в связи с тем, что православные праздники отмечаются не в те дни, что католические, и нередко слышат от учителей, что «живя в Польше, надо отмечать праздники в те дни, что и все поляки, а не придумывать себе какие-то иные праздники».

Правда по закону православные имеют право 7 дней в году отмечать праздники по своему календарю, беря выходные за свой счет. Но закон это одно, а реальная жизнь другое. Вовсе не всегда администрация терпима к сотрудникам, не выходящих на работу в те дни, когда все другие работают. Не говоря уже о школьниках, которые к раздражению учителей осмеливаются праздновать какие-то другие, не польские и не католические праздники.

Заметим, что «календарные проблемы» касаются не всех польских православных. Хотя бы потому, что в стране используется сразу два календаря и митрополит Савва, возглавляющий автокефальную польскую православную церковь, на Рождество проводит обычно две службы: сначала 25 декабря по новому стилю в Варшаве, а потом в Белостоке 7 января.

«Непольскость» (а значит, как правило, и не католическое вероисповедание) могут стать препятствием и при поступлении в вузы и при приеме на работу. Поэтому православные подчас пытаются выдать себя за поляков, дабы не подвергнуться дискриминации. В школах иной раз таковой подвергаются православные учителя под тем предлогом, что они не смогут ходить вместе с детьми в костел, отмечать религиозные праздники. Нередки насмешки над православными обрядами раздражающе не похожими на католические.

Таким образом, благородное желание хранить свой язык и культуру, нередко требует от православных немалых сил и самой настоящей жертвенности: ведь именно хороший польский, причастность к польской культуре открывают дорогу в жизни, возможность карьеры.

Православный священник М. Сынак считает, что меньшинствам «необходимо иметь внутреннее смирение», ибо меньшинствам всегда трудно [9].

Трудностей хватает. К их числу относятся и не столь легко, как у католиков решаемые материальные проблемы жизни православной церкви: трудности с возвращением земель, некогда принадлежавших церкви, с выплатой компенсаций за храмы, разрушенные в межвоенный период. Естественно, не всегда отношения с государством складываются идеально. Доказательством этому является жалоба, поданная в 2003 году Митрополитом Варшавским и всея Польши Саввой в Европейский суд по правам человека в Страсбурге. В ней высказано требование отмены постановления польского Конституционного трибунала, в силу которого Православная церковь не получила права собственности на 22 православных храма. Правда, иск митрополита был удовлетворен.

По мнению главы Польской автокефальной церкви, «жизнь стабильная», хотя и есть «борение с разными гражданскими органами» [10].

Достаточно специфические трудности связаны с языком богослужения в православной церкви. Прихожане, в силу особенностей своего национального состава, требуют особого внимания к этому вопросу. Ведь язык богослужения должен быть понятным для всех. В науке используется термин «православный вариант польского языка». Имеется в виду польский с «многочисленными вкраплениями конфессиональной православной лексики, с определенными модификациями в элементах грамматических структур, а также своей спецификой произношения» [11].

В повседневной церковной практике богослужение нередко ведется на церковнославянском языке, а проповедь читается по-польски или по-русски. Это обусловлено

тем обстоятельством, что русский понимают все православные, он традиционно использовался для проповедей, он един, тогда как белорусский имеет множество диалектов и подчас жители соседних деревень говорят по-разному.

Этнические белорусы все более утрачивают язык отцов и дедов. Это результат, прежде всего, массовой миграции в города в связи с отсутствием жизненных перспектив в деревне. Даже живущие в деревне белорусы, говоря на родном языке, читают и пишут, как правило, по-польски. Белорусский язык ассоциируется с домом, природой, молитвой, польский – с городом, карьерой. «Бог создал деревню, а человек – город» гласит белорусское присловье. Первое поколение мигрантов еще помнит свой язык, а второе обычно забывает. Препятствием для полной ассимиляции является православная церковь.

Католики и православные не только по-разному молятся, но по-разному воспринимают и земные реалии. В качестве примера можно вспомнить о том, что популярная среди поляков в начале 80-х годов «Солидарность» отнюдь не столь восторженно воспринималась православным населением страны, так как в идеологии движения явно акцентировалась польская и католическая составляющие.

В свое время Л.Валенса во время визита в Японию имел неосторожность заявить: «В Польше не так, как в России, у нас нет национальных меньшинств» [12]. Правда, на первом съезде «Солидарности» была принята специальная резолюция, посвященная проблеме национальных меньшинств, но использованные формулировки были как минимум неудачными.

В частности в Белостокском (ныне Подляшском) воеводстве православные не стремились присоединиться к «Солидарности», более того испытывали настоящий страх перед новым и неизвестным явлением жизни. Впрочем, для страха были и известные основания: некоторые белорусы вспоминают, что на домах православных католики рисовали мелом крестики. Конечно, Варфоломеевская ночь белорусам вряд ли грозила, но настороженное и подозрительное отношение к себе со стороны польских соседей многие из них испытали на протяжении жизни. Православие, непольские имена, непольский язык, непольские обычаи далеко не всегда воспринимались с уважением и пониманием. В восприятии многих поляков белорусы ассоциировались с советской властью, СССР, тоталитаризмом – всем тем, с чем боролась «Солидарность». Для белорусов же коммунистическая власть вовсе не была уж столь однозначным злом, а порою воспринималась и как некая защита от не всегда благосклонно настроенного по отношению к белорусам польского населения. В этой связи не удивительно, что стремясь засвидетельствовать свою лояльность власти, многие представители национальных меньшинств, особенно белорусы и литовцы вступали в ПОРП. Со второй половины 50-х до конца 80-х годов число представителей национальных меньшинств – членов партии значительно превосходило число поляков – членов ПОРП, живущих на этих же территориях [13].

В среде украинского населения отношение к «Солидарности» было более благосклонным. По сравнению с белорусами, гораздо большее число украинцев присоединилось к движению, а некоторые из них сыграли в истории «Солидарности» достаточно заметную роль, например В. Мокры. Он был депутатом сейма, избранного в 1991 г., хотя и попал в сейм как депутат от «Солидарности», а не от украинского меньшинства. Активность украинцев имела для них и тяжелые последствия: многие деятели украинского движения оказались интернированы в период военного положения.

В отличие от белорусов, украинцы проявляют, несомненно, больше упорства и стремления сохранить свою национальную идентично: в 113 учебных заведениях ве-

дятся преподавание на украинском языке, украинцы имеют несколько периодических изданий, целый ряд организаций, созданных преимущественно в 80-90-е годы. Это, прежде всего Союз украинцев в Польше, Союз независимой украинской молодежи, Фонд святого Владимира крестителя Киевской Руси.

Украинцы опровергают закон об этнической ассимиляции, согласно которому, чем более социальная структура меньшинства становится подобной социальной структуре большинства, тем быстрее происходит процесс культурной ассимиляции и соответственно – исчезновение меньшинства. Украинцы же, даже переселившись в города и оставив занятие своих предков – сельское хозяйство – сохранили достаточно ярко выраженную национальную специфику.

До операции «Висла» украинцы проживали главным образом в юго-восточных регионах Польши. После этой операции они были насильственно перемещены в северные и западные регионы, т.е. Варминско-Мазурское, Западнопоморское и Нижнесилезское воеводство.

Операцию «Висла» с полным основанием можно причислить к трагическим страницам польского православия. Ведь в ходе этой операции около 150 тыс. человек были вынуждены покинуть родные места. В качестве официальной причины выселения Варшава называла необходимость ликвидации действовавших в юго-восточных регионах отрядов УПА, которые, по версии польских властей, пользовались широкой поддержкой местного населения. Операция проводилась жестко:

Спецслужбы составляли подробные списки депортируемых и проводили фильтрацию переселенцев, выявляя среди них подозреваемых в связях с УПА. Те переселенцы, которые не прошли фильтрацию и подозревались в связях с украинским националистическим подпольем, подвергались аресту и отправлялись в концлагерь в г. Явожно в южной Польше. Примечательно, что польский концлагерь в Явожно располагался в бараках, ранее относившихся к печально известному концлагерю Аушвиц. Помимо украинцев под тяжелую руку польских властей попали и представители еще одного восточнославянского небольшого и загадочного народа лемков. Проблема их идентификации весьма сложна. Хотя бы потому, что сами лемки решают ее по-разному: некоторые из них твердо уверены в том, что лемки – особый народ, близкий к русскому, другие столь же уверенно относят себя к украинцам, а третьи, считая себя таковыми, не отрекаются при этом от своего лемковского происхождения. Представители каждого из названных направлений имеют свои организации. Украинцы, как правило, не желают признавать самобытности лемков, считая, что претензии на таковую ослабляют украинское сообщество и без того не очень многочисленное. Сторонники украинской идентификации чаще придерживаются унитарства, лемковской, исходящей из того, что лемки – часть русского народа исповедуют православие [14].

В Силезии и Поморье лемки и украинцы были расселены властями таким образом, чтобы как можно быстрее ассимилировать их в польско-язычном окружении. Количество переселенцев отдельных населенных пунктах не должно было превышать 10 % от общей численности их населения. Однако ассимиляционные планы польских властей в полной мере реализовать не удалось. Уже в 50-е годы лемки и украинцы начали возвращаться в родные места. Процесс этот продолжается и по сей день. И лемки, и украинцы пытаются добиться компенсации за утраченное имущество, но не очень это удается. Польские власти объявили Бещады – горы, где издавна проживали лемки – заповедником, а значит компенсации стали практически нереальным.

С концентрационными лагерями проживающие на территории Польши восточные славяне столкнулись не только в ходе операции «Висла»: в годы Первой мировой войны

около двух тысяч лемков, цвет лемковской интеллигенции погибло в концентрационном лагере Таллергоф, попав туда по воле австрийских властей за свои пророссийские настроения. Именно в этот период совершил свой подвиг верности православию отец Максим Сандович, расстрелянный австрийцами на глазах у беременной жены, уже в Талер-гофе родившей сына Максима, тоже ставшего священником.

После окончания войны, в 1918 г. лемки попытались было реализовать стремление соединить свою судьбу с Россией, создав Восточнолемковскую республику с центром в г. Команча и Восточнолемковскую русскую республику с центром в г. Новы Сондч. Но обеим республикам суждена была недолгая жизнь, и очень скоро они исчезли, а Лемковщина, то есть земля лемков, вошла в состав Польши.

После войны надежды части лемков на вхождение в состав СССР не оправдались, а вышеупомянутая операция «Висла» нанесла серьезный удар по лемковской идентичности. Ибо переселенные на запад Польши лемки растворились во многом среди недоброжелательно настроенного к ним как польского, так и украинского населения. Ни для поляков, ни для украинцев лемки в тот период так и не стали «своими», хотя общность судьбы в какой-то мере способствовала украинско-лемковскому сближению.

В нынешней Польше издается значительное число публикаций лемковских авторов как на польском, так и на лемковском языках. Последний до конца XIX века считался диалектом украинского, каковым его считают и ныне многие лингвисты. Но такой подход не является единственным. В 90-е годы XX века предпринимались попытки кодификации лемковского языка, именно на этом языке издаются периодические издания, на нем пишут лемковские писатели и поэты. Поиски лемками своей идентичности стали возможными только в настоящее время, так как прежде не было условий даже для обсуждения таковой.

Нынешняя интеллигенция лемковского происхождения проявляет интерес к проблеме национального самоопределения, от интеллигенции в первую очередь и зависит ее решение. Тем более, что никогда прежде лемки не имели столь многочисленной интеллигенции чему, как это ни парадоксально, во многом способствовали переселения 40-х годов, в результате которых значительная часть лемков оказалась на Западных землях и сумела получить хорошее образование.

Итак, рассмотрение только некоторых аспектов жизни православных в современной Польше дает основание для заключения о том, что несмотря на непростую, временами драматическую жизнь самые западные в Европе исповедники восточнохристианского обряда сумели сохранить веру предков и стать оплотом восточнославянской цивилизации.

Список литературы: 1. Свитич А. Православная церковь в Польше и ее автокефалия // Православная церковь на Украине и в Польше в XX столетии. – М., 1997. – С. 87–290. 2. Быть православным в Польше. – Режим доступа: <http://www.zip.org.ua/2009/01/savva/>. 3. Президент Польши посетил Святую гору Грабарку. – Режим доступа: http://sobor.by/page/Prezident_Polshi_posetil_Svyatuyu_goru_Grabarkufull. 4. Boltryk M. Napad na skit. – Режим доступа: http://www.przeglادprawoslawny.pl/articles.php?id_n=2731&id=8. 5. Чиквин Е. «В Польше украинцы и белорусы называют себя «русскими людьми» или «православными». – Режим доступа: <http://slon.ru/articles/260676/>. 6. Там же. 7. Czykwin E. Bialoruska mniejszocs narodowa jako grupa stygmatyzowana. – Bialystok, 2000. – S. 53. 8. Budyta – Budzyńska M. Mniejszości narodowe-bogatstwo czy problem?. – W-wa, 2003. – S. 182–183. 9. Свентохович М., Янковская А. Польский перекресток // Новая Польша. – Варшава, 2011. – №1. – С. 7. 10. Быть православным в Польше. – Режим доступа: <http://www.zip.org.ua/2009/01/savva/> 11. Федюкина Е. Православная культура современной Польши – Автореф. дисс. канд. культурологии. – М., 2009. – С. 20. 12. Цит. по: Czykwin E. Białoruska

mniejszość narodowa jako grupa stygmatyzowana. – Białystok, 2000. – S. 196. 13. Mironowicz E. Polityka narodowościowa PRL. – Białystok, 2000. – S. 263. 14. Zurko J. Lemkowie-między grupą etniczną a narodem // Mniejszości narodowe w Polsce. – Wrocław, 1997. – S. 54–55.

*Олейник Н. Н.
г. Белгород, Россия*

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ НА СЛОБОЖАНЩИНЕ УКРАИНСКИХ КАЗАЧЬИХ ПОЛКОВ

На освоенных землях «Дикого поля» переселенцы создали своеобразную административно-территориальную и военную организацию, получившую наименование слободских черкасских полков. «Название полков слободскими, – писал один из первых их историков Г. Квитка, – произошло от поселившихся слобод, кои переименованы местечками, а названные черкасами, потому что первоначальные семейства, пришедшие для поселения вышли из повета Черкасского».

Следует отметить, что в XVII в. термин «слободской» применительно к полкам и краю в целом известен не был. А с момента своего появления полки именовались просто по городам и с непременно добавлением «черкасский».

Понятие «слободской полк» включало в себя определенную территорию со всеми находящимися на ней городами, селами и хуторами, объединенную под верховенством выборного лица – полковника, обладавшего в пределах полка фактически неограниченной властью. Он ведал всеми военными, административно-хозяйственными и судебными делами. Издаваемые им указы – универсалы имели силу закона. Власть полковника символизировали так называемые клейноды: полковничья булава – пернач, украшенная золотом или серебром с драгоценными камнями, знамя с изображением святого покровителя полка, полковая печать и полковая музыка.

Первым в 1652 году возник Острогожский или Рыбинский полк, в 1658 г. – Ахтырский, в 1659 г. – Сумской, в 1660 г. – Харьковской. Изюмский полк как самостоятельная единица выделился из Харьковской в 1688 году.

Слободские полки являлись своеобразными военно-административными округами с казацким самоуправлением. Основы такого самоуправления были заложены на Слобожанщине еще северскими казаками или севрюками в XV–XVI вв. Богатые традиции казацкого самоуправления так же принесли с собой на Слобожанщину украинские переселенцы и донские казаки. Российское правительство решило сохранить эту систему военно-административного устройства, так как она была удобным и испытанным средством противодействия татарским нападениям. При этом самоуправление в слободских казацких полках не контролировало внутреннее устройство Запорожского или Донского казачества, располагавшихся относительно недалеко, а отличалось своеобразием как и многие другие стороны жизни слобожан.

У слободских казаков органы полковой власти находились в руках полковника и старшин. Полковник был командиром военных сил и главным административно-судебным лицом полка. На территории своего полка полковник утверждал судебные приговоры по уголовным делам и имел право раздавать казакам свободные земли. Власть полковника значительно усиливалась тем, что он избирался как правило на пожизненный срок, а его выборщиками была только казацкая старшина, то есть небольшая группа влиятельных и экономически крепких многоземельных казаков. После из-